

Валентин Геддер

ПОДНОШЕНИЕ ТЕОДОРУ ШАНИНУ

Что приходит в голову, когда составляешь адрес к юбилею? Перечитать тексты именинника, тем более, если он — мыслитель. Конечно, для профи-социологов и историков надо бы знать его труды, но человеку по роду занятий к этому не очень близко — стоит хотя бы вчитаться в данные им интервью, хотя бы последнего времени.

В одном из них интервьюер утверждает, что «человечество мельчает, по всем показателям. От интеллектуального: чем дальше, тем больше у людей сведений и тем меньше цельного знания, — до нравственного: как говорили древние — что было пороками, становится нравами». В целом, это несомненно, но к Теодору Шанину почему-то не относится. Как и к тем немногим, кто дожил в наше время и при данных обстоятельствах до возраста мудрости, оставаясь на завоеванном ими пространстве личной свободы.

На вопрос «Трудно быть Шаниным?» отвечает краткое газетное резюме:

Родился 80 лет назад в Вильно, с семьей в ссылке на Алтае, откуда в Самарканд, в 17 лет незаконно пересек четыре границы, приехал в Израиль за шесть недель до его создания и воевал против англичан в рядах Пальмах — командос, которые боролись за выживание страны, учился и преподавал в британских университетах, изучал российское крестьянство (не модная для того времени тема), создал в Москве начала 90-х Высшую школу социологии и экономики, получил орден Британской империи...

Необычная судьба, но ни одна она играет человеком. Немаловажно, что он сам — Теодор Шанин говорит о ней и что думает об этом мире миров:

«Я из семьи сионистов. Мой отец отчасти из-за этого сел. Меня назвали в честь Теодора Герцля, создателя сионистского движения. Я вырос с верой, что надо создавать еврейское государство и знал, что я обязательно поеду помочь в этом. И когда было очень плохо и голодно, я боролся с этим чувством тем, что воображал необыкновенную страну, которая будет нами создана и где я буду жить... А ушел из сионистского движения после школы социальных работников, куда пошел после фронта. Из-за того, что увидел настоящую бедность и показное богатство.»

И с 1972 года там больше не живет... Ответ Теодора на вопрос «Вас не поняли в этой стране?» был очевиден: «Израиль себя не понял. А я делал, что

надо было делать, с точки зрения своего жизненного пути. Сам его выбрал и рад этому, никому не удавалось меня заставить поступать иначе — хотя пробовали».

Неужели это значит, что сегодня усилия, героизм, младые порывы выглядят иначе... И что теперь тогдашняя правда?

«Конечно, совсем тупиковых ситуаций нет. Но если будет продолжаться все как сейчас, это очень плохо с точки зрения будущего... Но сегодня ясно, что моя цель — создание демократического, справедливого да и просто красивого государства, — была проиграна.

В Израиле, по внешнему ощущению, элементы демократизма есть, хотя в 1948-м их было больше. И в Европе в 1968-м тоже. И в Киеве на майдане во время Оранжевой революции мне было так же хорошо с людьми. Лучшие моменты жизни...

Для меня неприемлемо представление, что мировая история есть вечная борьба наций, — как классовая борьба вечна для коммунистов. И что твоя обязанность — стоять за твою нацию, а кто думает иначе — наивен, глуп или предатель».

Итак, в тезаурусе Теодора выявляются «реперные точки». Нечто вроде триады: Истина-Правда-Родина. Что тут выше-ниже или как они соотносятся, судить не мне. Почти не сомневался, что он бы согласился с федотовским «Истина выше Родины». И не только как ученый... Но лучше послушать нашего юбиляра о двух других знаковых понятиях. И, как сказано в одной книге — «не в интересах правды, а в интересах истины».

Правда — дочь времени. И что есть Истина...

Истина важна сама по себе, она облегчает движение человечества вперед, и поиск ее важен сам по себе. Но в то же время существует вопрос правды, то есть какой-то этической единицы, определяющей отношение к действительности, которая не автоматически связана с ней. Значит можно сделать еще шаг для того, чтобы воздействовать с помощью [добытой истины] на реальность

Я верю в то, что правда сама по себе дает очень многое, она ценна сама по себе, и работать в эту сторону надо. Если ты смог добиться расширения правды в человеческом понимании действительности, то ты уже чего-то добился. Борьба за правду дает шаг вперед социальной действительности.

Потому что многие люди, которые наукой не занимались, правдой занимались, и очень много. Напомню, если кто-то забыл, Христа, который наукой не занимался, а занимался правдой. Для меня правда и истина в

обязательной мере часть инструментов ученого. Когда ученый говорит: «Меня не интересует правда, меня интересует только истина», мой ответ на это: «Твое право. Ты делаешь что-то ценное, если добиваешься истины, а то, что ты не хочешь брать на себя удар, который бьет по тем, кто добивается правды...». С моей точки зрения, нет ни обиды, ни гнева, ни неготовности действовать плечом к плечу с такими людьми. Но для меня и для большинства моих друзей **правда — центральный элемент нашей жизненной позиции.**

Для начала — необходимо говорить правду, так, как ты ее понимаешь, потому что правда не абсолютна. Говорить, согласно тому, как ты ее видишь, и действовать — согласно правде. И когда люди так говорят и действуют, они должны быть готовы расплатиться за это. За удовольствие говорить правду требуется платить. И тут проблема — не отступить.

В последних из приведенных слов Шанина есть важный для меня смысл. Действия человека и гражданина не есть окончательный продукт «истинного» понимания природы вещей (даже если он ученый), а промежуточный результат вечно повторяющегося соотношения правды и истины, каждый раз пересматриваемых заново. Но и безоглядного следования сегодняшней относительной правде (факта или идеи) тоже не прощадывается. Потому что он ясно понимает: за столь необходимую правду и удовольствие ей следовать надо расплачиваться. Причем не только за удовольствие ее говорить, но и за релятивизм, который ее адепты в аду социальной действительности часто и вовремя не замечают. Если не верить в истину, которая всегда относительна по своей природе. Хотя бы потому, что ее поиск и неокончателность не менее важны, чем правда-матка. Так говорил Шанин...

Меня когда-то спросили, как бы я определил название своих политических и научных взглядов. Я предложил в качестве ответа **«прикладной гуманизм»**. С того момента прошло много времени, но я не думаю, что я изменил этот взгляд. Но при этом я **никогда не был оптимистом.**

Этот отрывок-микс взят из разных мест интервью Теодора. Но без него трудно завершить поздравительный спич из его же мыслеообразов. Что-то в шанинском прикладном гуманизме напоминает неортодоксальное граммшианское с его пессимизмом разума и оптимизмом воли. А в глубине — совсем другое. Мне кажется, что старомодная вера в человека и ничего личного (конфессиональное или партийное начало тут отдыхает). Пространство личной свободы по Шанину не требует не только вседозволенности и потребительства одностороннего ното, а наоборот подчиняет его высшей цели. Но ответ про то, кто ее Творец, а кто исполнитель, можно найти только в

конец задачника. До него же далеко. И поэтому Вы нам нужны бесконечно долго,
дорогой «восьмидесятник», без Вас нам не осилить этой длинной дороги без
конца.

Здоровья и новых неожиданных мыслей!